

Секция «Юриспруденция»

**Генезис правовых представлений о юридической ответственности
коллективных образований в российском законодательстве**

**дореволюционного периода
Смирнов Николай Наилевич**

Аспирант

*ГОУ ВПО "Марийский государственный университет юридический, Йошкар-Ола,
Россия*

E-mail: nick_smirnov@rambler.ru

На современном этапе развития государства и гражданского общества одной из основных правовых форм коллективного участия человека в многообразных общественных отношениях является конструкция юридического лица. В течение долгого времени своего развития институт юридического лица претерпел существенные изменения. Вместе с тем представляет особое значение и актуальность вопросы исторического становления института ответственности коллективных субъектов права как основы для современного понимания ответственности юридического лица.

Процесс становления института коллективных образований и правовой регламентации их ответственности в российском государстве был исторически сложным и противоречивым.

На раннем этапе своего развития право Древней Руси не знало понятия «юридическое лицо». Вместе с тем существовала определенная правовая дифференциация отдельных лиц и коллективов (коллективных субъектов), которая проявлялась прежде всего в нормах, посвященных юридической ответственности. Так, например, первое упоминание о коллективном субъекте встречается в Пространной редакции Русской Правды. В первом тематическом разделе, статьях с 3 по 8, этого документа говорится об ответственности за убийство на территории «верви». Так, нормы статьи 3 устанавливали порядок взыскания виры за убийство в «разбой» представителя княжеской администрации и рядового жителя в том случае, если вервь отказывается искать преступника в своей среде. Виру при этом платит вервь, на территории которой был найден труп.

В статье 3 Пространной редакции Русской Правды рассматривался особый случай ответственности верви: устанавливался порядок выплаты вервью «дикой виры» – штрафа, который платили сообща члены верви за убийство, произошедшее на ее территории, когда убийца не известен или вервь не хочет его выдавать. В статье установлено, что вервь имеет право платить дикую виру в рассрочку. Размеры виры - 40 и 80 гривен кун - очень значительные суммы, равные стоимости стада из 50 и 100 коров, которые составляли, вероятно, немалую часть собственности, принадлежавшей членам общины в целом. За вервью остается право распределения этих сумм между ее членами, что предполагает существование авторитетной общинной администрации, представляющей вервь и в общении с государственной властью. В свою очередь, государственная власть согласна с выплатой дикой виры в рассрочку для сохранения существования такого коллектива и его финансовой способности [1].

Следовательно, уже в праве Древней Руси была признана ответственность территориальной общины (верви) за особо тяжкие преступления, совершенные в ее границах, которая, безусловно, не соответствует современному пониманию ответственности

коллективного субъекта права. Между тем заслугой права Древнерусского государства является сами идеи дифференциации субъектов права на индивидуальные и коллективные, а также правовой регламентации ответственности коллективных субъектов права.

Об особом статусе военных организаций и, в то же время, их коллективной ответственности, говорится в Воинском артикуле Петра I, входящем в состав Воинского устава 1716 года. Так, в частности, Артикул 97 был посвящен бегству с поля боя воинской части. В этом случае (кроме наказаний командиров-офицеров за государственную измену) вся часть подвергалась позорящему наказанию - должна была стоять вне лагеря без знамен (пока они храбрыми своими делами паки заслужат), а к рядовым применялась децимация (каждый десятый по жребию подлежал повешению). О преступлении, совершенном целой воинской частью, говорит и Артикул 117: «Если полк, или рота дерзнут без ведома и указу его величества, или его фелтмаршала, с неприятелем в трактат или капитуляцию вступить, тогда надлежит начальных, которые в том виновны, чести, пожитков и живота лишить, а из рядовых всегда десятого по жеребью повесить, протчих же жестоко шпицрутенами наказать, и вне обоза поставить, пока они от того порока очистятся, и своими храбрыми действиями заслужат, кто же из оных доказать может, что он в том непричастен есть, но в том прекословил, оный имеет для невинности своей освобожден быть, и при случае повышения себе ожидать. А ежели преступителей получить не можно, то с оными тако как с дезертирами поступлено, и оных пожитки забраны быть имеют» [2].

Особого внимания заслуживает ситуация, сложившаяся к середине XVII века, и которую можно отнести к негативным формам коллективного объединения людей. В 1630-1640-е годы возникают основные течения русских сект («капитоны», «хлысты», «субботники»). Сторонники подобных изуверских сект подвергали себя всякого рода лишениям, истязаниям и самоуничтожению. Так, например, среди сторонников «капитонов» к середине 1680-х годов самоистребление приняло характер массовой психической эпидемии. За 10 лет в этих жертвоприношениях погибло более 20 000 человек. Государство не могло оставить без внимания вопрос борьбы с сектантскими организациями, признавая как члена секты, так и сам саму секту в качестве субъектов наказания. Так, статья 212 Уложения о наказаниях 1845 года предусматривала наказание за сам факт принадлежности к изуверским сектам, поскольку законодатель не без основания полагал, что вступление в такого рода религиозное объединение влечет за собой, как правило, и приобщение к изуверской деятельности. «В данном случае не требовалось даже установление изуверства, совершенного именно этой, конкретной общиной, достаточно было установить, что ее члены исповедуют учение изуверской секты. В решении Сената говорилось, что принадлежность к такого рода сектам наказуема не потому, что она противоречит христианской религии, а потому, что деятельность их несовместима с нормами любой общественной морали и посягает на жизнь и здоровье частных лиц» [3].

Таким образом, будучи признанными позитивным правом в качестве субъектов правоотношения, коллективные образования обладают способностью самостоятельно нести ответственность за совершенные ими правонарушения. В то же время, можно обнаружить, что исторически проблема возможности юридического лица выступать в качестве самостоятельного субъекта права связана правовой регламентацией его ответственности.

Литература

1. Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. С. 83-87.
2. Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. С. 348.
3. Российское законодательство X - XX веков. В девяти томах. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 340.